

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 145—151.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 145—151.

Научная статья

УДК 351.74(091)(470.315)''1917''

DOI: 10.46726/И.2024.3.17

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЕ ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ТЕХНОЛОГИЯ РАБОТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (на материалах демократической печати г. Иваново-Вознесенска)

Юрий Александрович Ильин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ilyin37@mail

Аннотация. На материалах архива Иваново-Вознесенского и Владимирского подразделений «охранки», опубликованных на страницах демократической печати периода Февральской революции, раскрывается суть технологии работы политического сыска в провинциальном фабричном центре: методы вербовки тайной агентуры, кураторство осведомителей, их градация по категориям в зависимости от ценности добываемой информации, денежное вознаграждение. Приводится фактический материал и о сбоях, ошибках в деятельности жандармов. Предпринята попытка показать корпоративность интересов и понятие чести представителей жандармского и полицейского ведомств, их взаимодействие по охране самодержавного строя. Делается вывод о достаточной эффективности работы жандармерии Шуйского уезда Владимирской губернии и, в частности, г. Иваново-Вознесенска (развитая сеть агентуры, тесная координация с полицией, особое внимание к профилактическому направлению в своей деятельности, широкий интеллектуальный кругозор и профессионализм высокопоставленных чинов данной службы на уровне губернии и крайне примитивный подход к выполнению своей миссии со стороны их подчиненных на местах) в условиях стабильной общественно-политической жизни страны и региона. Но слаженный аппарат политической полиции не устоял перед революционным напором Февраля, объединившим все слои населения в намерении построить гражданское общество, а Россию превратить в свободное демократическое государство.

Ключевые слова: охранка, полиция, технология политического сыска, успехи и ошибки, корпоративность интересов и понятие чести представителей силовых структур

Для цитирования: Ильин Ю.А. Иваново-Вознесенское жандармское управление: технология работы политического сыска накануне Февральской революции (на материалах демократической печати г. Иваново-Вознесенска) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 145—151.

Для рассмотрения данного вопроса обратимся к материалам Иваново-Вознесенского и Владимирского подразделений «охранки». Вопрос непростой, ибо недостаточно снабжен источниками. Приходится ограничиваться материалами, взятыми из периодической печати г. Иваново-Вознесенска. Итак, начнем с вербовки секретных агентов. Из данных архивов Иваново-Вознесенского жандармского управления имеем возможность проследить алгоритм данной процедуры. Кстати, последняя была тщательно обкатана многолетней практикой. Представитель охранного отделения местного жандармского управления (или соседнего

регионального подразделения — правда, по предварительной согласованности с местными жандармами), одетый в штатское, являлся к городскому полицейскому или жандармскому начальству (на свое усмотрение, исходя из поставленных задач и плана действий) с целью получить информацию о подходящей кандидатуре для агентурной работы. Получив нужные данные кандидата (возраст, образование, профессия, политические взгляды, слабости, компрометирующие биографию факты и т. д.), вербовщик мог действовать самостоятельно, напрямую встретившись с отобранным лицом или через посредство местной жандармской и полицейской служб. Как правило, встречи проходили в людных местах, но в уединенных комнатах (чайные, трактиры, рестораны и т. п.). Путем принуждения и обещания благ (в частности, солидного вознаграждения, смотря по статусу кандидата в агенты), порой с использованием шантажа или патриотических чувств проходила вербовка. Подписывались соответствующие бумаги, агенту давались гарантии тайны его сотрудничества с «охранкой». Перед вновь испеченным осведомителем ставились задачи. Передача информации от агента осуществлялась или напрямую завербованному его лицу, или куратору из местного жандармского управления.

Вербовка в секретные сотрудники довольно успешно шла в г. Иваново-Вознесенске. За неполные 5 месяцев (май—октябрь) 1917 г. в архиве Иваново-Вознесенского жандармского управления были выявлены анкетные данные и донесения 13 агентов «охранки». Даже такой далеко неполный список агентуры был весьма солидным для города численностью 100—150 тысяч человек. Для сравнения: по материалам Московского охранного отделения на 1 января 1914 г. за ними числилось 42 секретных сотрудников [Овченко].

Была четкая градация секретных агентов жандармского управления по таким критериям: а) за кем числился агент, кто был его куратор; б) ценность информации агента, его высокая результативность. В соответствии с этими критериями сотрудники делились на подчиняющихся либо местному жандармскому управлению (г. Иваново-Вознесенск), либо помощнику начальника Владимирского губернского жандармского управления по Шуйскому уезду. Разумеется, разным было и денежное вознаграждение тайных осведомителей. Был в практике жандармерии и куратор из соседнего (и даже столичного) региона. Но, по всей видимости, предпринятая помощником начальника московской «охранки» Л.Н. Эрнстом попытка завербовать почтово-телеграфного чиновника г. Иваново-Вознесенска Н.А. Новикова была единственной и к тому же неудачной.

Кстати, этот случай репрезентативно раскрывает взаимоотношения охранительной и полицейской структур власти. Напомним, что 18 июня 1910 г. в гостинице Быстрова (г. Иваново-Вознесенск) по инициативе вербуемого лица Н.А. Новикова был арестован городовой № 67 и двумя казаками помощник начальника московского охранного отделения Л.Н. Эрнст. По этому поводу начальник Владимирского жандармского управления Л.С. Быстров на имя Иваново-Вознесенского полицмейстера Н.Л. Червяковского прислал письмо, где, в частности, говорилось: «Милостивый государь, Николай Людвигович, <...> имею честь просить Вас в самом непродолжительном времени уведомить подробно, на каком основании и чьему распоряжению был арестован подполковник Эрнст...» [Известия Иваново-Вознесенского...]. Полицмейстер в сдержано-вежливой форме намеками дал понять, что виной этому был сам Л.Н. Эрнст, совершивший непростиительные для столь высокопоставленного жандармского чина элементарные ошибки в деле вербовки. Читаем его объяснения: «По просьбе г. Эрнст мною в кабинет был приглашен городской пристав Добротворский, и г-н Эрнст просил

последнего назвать кого-либо из почтово-телеграфных чиновников с целью добыть нужные сведения и установить агентуру.

Добротворский с моего разрешения указал на чиновника Николая Андреевича Новикова, человека во всех отношениях благонадежного, с ярко правыми честными политическими убеждениями. Я при этом позволил себе посоветовать устроить свидание с Новиковым через посредство его хорошего знакомого, помощника пристава Шишко, которого при этом следует безусловно посвятить, хотя отчасти, в цель свидания и безусловно в отношении личности г. Эрнст, чтобы избежать возможных недоразумений. Подполковник Эрнст отвергнул вторую часть моего совета, определенно и категорически потребовав, чтобы Шишко лишь привел Новикова на свидание, но не был осведомлен о его, г. Эрнст, служебном положении, не говоря уже о цели предполагаемых переговоров с Новиковым. О последнем г. Эрнст советовал держать в тайне данные и от местного жандармского надзора <...> Все это было в точности и беспрекословно выполнено...» [Там же]. Добавим к этому из письма, когда арестованный городовым № 67 и двумя казаками подполковник Эрнст был доставлен на квартиру полицмейстера Н.Л. Червяковского, то он тут же заявил, что «никаких преследований на действия полиции не имеет и просил только предупредить разглашение инцидента и сохранить по возможности его инкогнито...».

Подспудно в тексте объяснений Н.Л. Червяковского была заложена главная причина провала — самостоятельные действия подполковника Эрнста, его попытка без участия местной жандармерии и полиции завести агентуру на «чужой территории». А возможно, и устроить провокацию, успех которой бы позволил ее режиссеру отличиться на фоне посрамления местного жандармского и полицейского управлений. Далее Н.Л. Червяковский объяснял действия Н.А. Новикова тем, что у Л.Н. Эрнста при переговорах не было удостоверения местной полиции. Можно предположить, что неосведомленность помощника Шишко о личности Л.Н. Эрнста и цели его свидания с Н.А. Новиковым могли подвести последнего к мысли о провокации со стороны местных жандармов или использовании его как жертвы в преступных намерениях злоумышленников. Одним словом, за всеми этими словами в письме скрывалось недовольство самочинными («в строжайшей конспирации») действиями столичного гостя, проявленным им недоверием, сомнении в профессионализме местных охранителей общественного порядка. Думаю, что отправитель письма (Л.С. Байков) и ответчик на него (Н.Л. Червяковский) хорошо поняли друг друга, обменявшись в конце посланий шаблонными фразами: «Просим принять уверение в совершенном уважении и преданности».

Теперь поговорим о корпоративном духе отношений (иммунитет защиты интересов, понимание чести и долга) внутри жандармского и полицейского ведомств. Описанный нами выше казус, случившийся с подполковником Л.Н. Эрнстом, проливает свет и на этот аспект проблемы. Начнем с жандармского ведомства. Знакомые нам по делу 18 июня 1910 г. (Л.С. Байков и Л.Н. Эрнст) были выпускниками одного военного заведения — Тверское кавалерийское юнкерское училище. Первый — в 1878 г., второй — в 1883 г. [Генералитет российской...]

Л.Н. Эрнст именно к Л.С. Байкову обратился за содействием в организации агентуры на подведомственной тому территории, вместе с ним прибыл в г. Иваново-Вознесенск. Провалив свою миссию, подполковник Л.Н. Эрнст, будучи арестован и препровожден на квартиру полицмейстера Н.Л. Червяковского, в присутствии Л.С. Байкова заявил, что «никаких претензий на действия полиции не имеет и просил только предупредить разглашение инцидента и сохранить

по возможности его инкогнито...» [Известия Иваново-Вознесенского...]. То есть, по сути, Л.Н. Эрнст просил прощения у присутствовавшего Л.С. Байкова, что «наследил», проявил невольно неуважение к жандармскому подразделению вверенной Л.С. Байкову территории. Более того, недвусмысленно просил у него скрыть этот провал от своего начальства, руководства московской «охранки». Эта просьба в полной мере относилась и к полицмейстеру Н.Л. Червяковскому.

Возникает в связи с этим вопрос — почему Л.С. Байков, бывший свидетелем провала Л.Н. Эрнста, обратился в письменной форме к Н.Л. Червяковскому 23 июня 1910 г. с запросом, на каком основании Л.Н. Эрнст был арестован полицией г. Иваново-Вознесенска? Есть два предположения из обстоятельств, которые с полной вероятностью имели место на практике и в переписке Л.С. Байкова и Н.Л. Червяковского. Первое — выиграло у жандарма чувство «чести мундира», в его понимании нарушение корпоративности интересов вверенной им структуры. Вероятно, приходили и мысли, применительно к событию 18 июня, о явном соперничестве губернской и местной структур не только внутри ведомства, но и между жандармским и полицейским подразделениями внутри Владимирской губернии.

Второе предположение — Л.Н. Эрнст тяжело переживал этот провал, боялся, что этот инцидент может негативно отразиться на его карьерном росте. В связи с этим и попросил своего однокашника по учебе использовать свой авторитет для напоминания полицмейстеру Н.Л. Червяковскому о сохранении данного случая инкогнито. Надо признать, что тот из письма Л.С. Байкова это понял и сделал все, чтобы событие 18 июня осталось в тайне. По крайней мере, это не сказалось на дальнейшей карьере Л.Н. Эрнста: с 17 октября 1910 г. (до 17 января 1912 г.) он становится начальником Ломжинского губернского жандармского управления. 6 декабря 1910 г. получает чин полковника за отличие. С 17 января по 3 декабря 1912 г. занимает должность начальника Владимирского губернского жандармского управления, с 3 декабря 1910 г. по 11 июня 1913 г. становится начальником Костромского губернского жандармского управления, с 11 июня 1913 г. был прикомандирован к Московскому губернному жандармскому управлению, с 24 июля 1913 г. находился при нем в резерве [Русская армия...].

Вполне вероятно предположить, что дружеские связи продолжались между Л.С. Байковым и Л.Н. Эрнстом: в 1911—1912 гг. первый занимал должность начальника Ковельского губернского жандармского управления, а второй — должность руководителя Ломжинского губернского жандармского управления. Возможно, по рекомендации Л.С. Байкова с 17 января 1912 г. Л.Н. Эрнст стал начальником Владимирского губернского жандармского управления, правда, занимал эту должность недолго [Там же].

А теперь о корпоративности интересов и понимании чести в полицейском ведомстве. Обратимся еще раз к ответному письму Н.Л. Червяковского на обращение начальника Владимирского губернского жандармского управления Л.С. Байкова от 23 июня 1910 г. в той его части, где эта корпоративность ярко проявляется: «Никаких сознательных грубостей в отношении подполковника Эрнст со стороны нижних чинов полиции и стражи не было, а произошло лишь одно сплошное недоразумение, которое ни в коем случае не может быть поставлено в вину ни Новикову, ни тем менее городовому и стражникам, людям малограмотным и малоразвитым.

Об изложении, вследствие письма от 23 июня с. г. за № 4402, и уведомляю Вас...» [Известия Иваново-Вознесенского...]. Что скрывалось за этими словами? Предупредительно-уважительное отношение к Л.С. Байкову, ведомству,

которое он представляет; готовность сотрудничать в целях укрепления государственной безопасности, но каждая сторона на своей территории — причем не отказываясь от совместных акций ради общей пользы дела.

Говоря о достаточно высоком уровне профессионализма штата жандармских структур, надо иметь в виду в первую очередь кадры губернского масштаба. Они обладали умением выявлять причинно-следственные связи из динамики событий в относительно спокойной и бурной общественно-политической жизни страны и регионов. Что касается подчинявшихся им жандармам на местах, то последним явно не хватало такого полета мыслей, они были умелыми и дисциплинированными исполнителями задачи поддержания текущей политической ситуации.

В качестве свидетельства приведенного суждения используем материалы Иваново-Вознесенского жандармского управления, раскрывающего взаимоотношения местных жандармов и губернского жандармского управления в ходе грандиозной по своим масштабам экономической стачки текстильщиков Иваново-Кинешемского промышленного района на рубеже 1916/1917 гг. Из донесения начальника Владимирского губернского жандармского управления ротмистру Лызлову (г. Иваново-Вознесенск): «Секретно. От 12 января за № 45. Я удивляюсь Вашей манере: донести тревожные сведения и затем молчать и не осведомлять меня о дальнейшем течении положения дел.

Вы сообщили о забастовках, вызванных действиями Витова (известный иваново-вознесенский фабрикант. — Ю. И.) и не сообщили, продолжают ли фабрики бастовать или уже стали на работу, а если стали, то что именно повлияло на это. То же самое в Кохме. Кольчугино бастует, я ничего не знаю. Склады на товарной станции в Иванове горят, — я узнаю из столичных газет, но не от Вас.

Глядите на вещи поглубже, не думайте, что экономическая забастовка дело для Вас постороннее, ведь где кончается экономический и начинается политический характер Вы не знаете, и никто не знает; поэтому Вы должны взвешивать и учитывать каждый даже мелкий факт, каждый симптом, искать в своем уме разрешение вопроса об общих, а не частных причинах забастовки, сопоставлять их с поведением.

Нужно составить общие выводы положения дел, выводить общее обоснование заключения, которым со мною делиться.

Известно ли Вам, что у Полушина на фабрике подан печатный перечень требований рабочих? Читали ли Вы его? Нет ли в нем указаний на то, откуда оно идет и т. д. Ведь ничего, кроме сухих донесений, мне не представляется, да и те, как указано выше, не развиваются у Вас, а гаснут. Где разработки событий, где вникание в суть дела? Выступление Витова освещено Вами слабо и вряд ли правильно. Известно ли Вам его прошлое, его взгляды, его деятельность? Вам нужно быть в постоянном контакте с фабричной инспекцией. Ведь все Ваше дело — это рабочее дело, ведь, кроме фабрик и заводов, у Вас нет ничего.

Хотелось бы, при настоящих исключительных обстоятельствах, видеть Вашу работу более живою. Ожидаю донесений...» [Рабочий край: 1921, 13 июля].

Приведенный выше документ говорит о вдумчивом, пронизательном и дальновидном подходе главы владимирской жандармерии к оценке событий в Иваново-Кинешемском промышленном районе в те дни, с другой стороны — показывает трафаретность мышления и поведения местного жандармского управления.

Наиболее способные к аналитическому восприятию действительности жандармские офицеры быстро продвигались по служебной лестнице, примером

чему служат Л.С. Байков и Л.Н. Эрнст. Добавим к этому интенсивную ротацию кадров, цель которой выдвижение наиболее одаренных сотрудников на высокие посты, как правило, на должности начальников губернских жандармских управлений. Был и прагматический подход к явлению высокой сменяемости кадров: а) избегание явления «прирастания» сотрудников к местной элите (прикармливания их со стороны последних). Обычно кадры на губернском уровне перетасовывались через каждые 2—3 года, в годы первой мировой войны этот срок удлинялся до 5—6 лет; б) знакомство со спецификой места назначения; в) давние дружеские связи и поддержка внутри элиты силовых структур. Интересная деталь: в годы войны 1914—1917 гг. высокопоставленные жандармские чины с нерусской фамилией (чаще немецкой) переводились в резерв Московского губернского жандармского управления или Отдельного корпуса жандармов.

Подытоживаем: «охранка» как подразделение политического сыска начала XX в. по структуре, кадрам и результатам деятельности представляла собой слаженный механизм защиты самодержавного строя, хотя порой и наблюдались сбои в его деятельности. В условиях стабильной политической обстановки он вполне эффективно выполнял свои функции (пример г. Иваново-Вознесенска). Но внезапный революционный шквал Февраля, объединивший в едином порыве все слои населения, привел к блокировке данной структуры и тем самым разрушил ее.

Список источников

Известия Иваново-Вознесенского Революционного Комитета Общественной Безопасности. 1917. № 19, 8 апреля.
Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1921.

Список литературы / References

Байков Леонид Семенович // Генералитет российской императорской армии и флота. URL: http://www.rusgeneral.ru/gen/b/gen_b080.html (дата обращения: 22.03.2024). (Bajkov Leonid Semenovich, *Generals of the Russian Imperial Army and Navy*. — In Russ.)
Овченко Ю.Ф. Московская «охранка» на рубеже веков // ХРОНОС. URL: <https://www.hrono.ru/statii/2006/ovchenko.html> (дата обращения: 22.03.2024). (Ovchenko Ju.F. Moscow “security” at the turn of the century, *HRONOS*. — In Russ.)
Эрнст Леонид Николаевич // Офицеры русской императорской армии. URL: https://ria1914.info/index.php/Эрнст_Леонид_Николаевич (дата обращения: 22.03.2024). (Ernst Leonid Nikolayevich, *Officers of the Russian Imperial Army*. — In Russ.)

IVANOVO-VOZNESENSK GENDARMERIE DEPARTMENT: THE TECHNOLOGY OF POLITICAL INVESTIGATION ON THE EVE OF THE FEBRUARY REVOLUTION (based on the materials of the democratic press of Ivanovo-Voznesensk)

Yuri A. Ilyin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ilyin37@mail

Abstract. Based on the materials of the archive of Ivanovo-Voznesensk and Vladimir divisions of the tsarist secret police, published on the pages of the democratic press of the period of the February Revolution, the essence of the technology of political investigation in the provincial factory center is revealed: methods of recruiting secret agents, the supervision of informants, their gradation by category depending on the value of the information obtained, monetary

remuneration. Provided also is some information on failures and errors in the activities of the gendarmes. An attempt has also been made to show the corporatism of interests and the concept of honor of representatives of the gendarmerie and police departments, their interaction in protecting the autocratic system. The author comes to the conclusion concerning the sufficient effectiveness of the work of the gendarmerie of the Shuisky district of the Vladimir province. It is particularly true of the city of Ivanovo-Voznesensk: a developed network of agents, close coordination with the police, special attention to the preventive direction in their activities, broad intellectual horizons and professionalism of high-ranking officials of this service at the provincial level and an extremely primitive approach to fulfilling their mission by their local subordinates. It all worked quite well in conditions of stable socio-political life of the country and the region. However, the well-coordinated apparatus of the political police could not resist the revolutionary pressure of February, which united all segments of the population in the intention to build a civil society, and turn Russia into a free democratic state.

Keywords: okhrana, police, technology of political investigation, successes and mistakes, corporatism of interests and the concept of honor of representatives of law enforcement agencies

For citation: Ilyin Yu.A. Ivanovo-Voznesensk Gendarmerie Department: Technology of Political Investigation on the Eve of the February Revolution (based on the materials of the Democratic Press of Ivanovo-Voznesensk), *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 145—151.

Статья поступила в редакцию 22.02.2024; одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted to the editorial office 22.02.2024; approved after review 27.03.2024; accepted for publication 13.05.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Ильин Юрий Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ilyin37@mail.ru

Ilyin Yuri Alexandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Russia, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ilyin37@mail.ru